

DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-4-681-693

Научная статья / Research Article

Концепция времени в советском неоклассицизме (на примере архитектурного дискурса)

Т.А. Круглова

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

В статье рассматривается процесс смены темпоральных режимов в советской культуре на рубеже 1920-х — и в течение 1930-х гг. на материале архитектуры. Сравниваются концепции времени в конструктивизме и неоклассицизме, так как борьба между ними определила основные векторы художественного развития в реконструктивный период. Проводится анализ дискурса официальной позиции по отношению к основным трендам развития архитектуры в контексте периодизации социалистического строительства, выявляются основания поддержки обращения к классическому наследию. Смена государственно-политических задач (переход от демонтажа старого порядка и ликвидации последствий распада социальной ткани к построению нового социального порядка) задала новые требования к архитектуре как важнейшему способу социальной репрезентации. Новое общество — социализм — трактовалось в конструктивизме, ведущем направлении архитектуры 1920-х гг., в модусе будущего времени. В неоклассицизме 1930-х гг. социализм помещался в модус настоящего времени. Конструктивизм был нацелен на прагматику восстановления социальной ткани и решение текущих задач (массовое жилищное строительство, новая социальная инфраструктура), а также на конструирование будущего социума и человека. В конце первой пятилетки властью перед культурой в целом и перед архитектурой в частности были поставлены другие цели: репрезентация достижений и выражение величия социалистического строительства. Неоклассицизм был призван для увековечивания настоящего положения дел в модусе реального совершенства и превосходства советского социализма над любыми иными форматами социальной жизни. Между временем творения (конструктивизм) и временем свершения (неоклассицизм) образуется пробел, разрыв, который должен быть скрыт. Способом сокрытия темпорального разрыва становятся классические принципы формообразования и образцы ренессансного и русского классицизма, призванные убедительно продемонстрировать, с одной стороны, возможность ускорения и сжатия времени, стремительность достижения идеала, а с другой стороны, обесценить новации, сделать ненужным представление о движении времени в будущее. Учение ведущего неоклассика И. Жолтовского разбирается с точки зрения альтернативы утопической трактовке времени в конструктивизме, как реализующее мифологическое время, в котором исток и финал творения даны одновременно и в модусе вечности.

© Круглова Т.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: конструктивизм, архитектурный неоклассицизм, учение И. Жолтовского, время в утопии, время в мифе, период социалистической реконструкции, сталинская культурная политика

Информацию о финансировании и благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Человек в своем времени: проблематизация темпоральности в европейском интеллектуальном пространстве первой трети XX-го века», 2019—2021 гг. (проект № 19-18-00342).

История статьи:

Статья поступила 20.03.2020

Статья принята к публикации 06.07.2020

Для цитирования: Круглова Т.А. Концепция времени в советском неоклассицизме (на примере архитектурного дискурса) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24. № 4. С. 681—693. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-4-681-693

The Concept of Time in Soviet Neoclassicism (On the Example of Architectural Discourse)

T.A. Kruglova

Ural Federal University

19, Mira Str., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

Abstract. The article discusses the process of switching temporal regimes in Soviet culture at the turn of the 1920s — and during the 1930s on the material of architecture. The concepts of time in constructivism and neoclassicism are compared since the struggle between them determined the main vectors of artistic development in the reconstruction period. The author analyzes the discourse of the official position in relation to the main trends in the development of architecture in the context of the periodization of socialist construction and elicits the reasons for supporting the reference to the classical heritage. The change of political agenda (the transition from dismantling the old order and the rectification of the consequences of the collapse of the social fabric as a way to build a new social order) set new requirements for architecture as the most important way of social representation. The new society — socialism — was interpreted in constructivism, which was the leading direction of 1920s architecture, in the modus of the future. In the neoclassicism of the 1930s, socialism was placed in the modus of the present. Constructivism was aimed at the pragmatics of restoring social fabric and solving current problems (mass housing, a new social infrastructure), as well as at constructing a future society and human. At the end of the first five-year plan, the authorities set other goals for culture in general and architecture in particular: the representation of achievements and the expression of the greatness of socialist construction. Neoclassicism was called upon to perpetuate the present state of affairs in the modus of real perfection and superiority of Soviet socialism over any other formats of social life. Between the time of creation (constructivism) and the time of completion (neoclassicism), there is formed a gap that must be hidden. As a way of hiding the temporal gap were chosen classical principles of form-making and examples of the Renaissance and Russian classicism, that were designed to convincingly demonstrate, on the one hand, the possibility of accelerating and compressing time, the swiftness of achieving the ideal, and on the other hand, to depreciate innovations,

make the idea of the movement of time into the future unnecessary. The theory of the leading neoclassicist I. Zholtovsky is discussed as an alternative to the utopian interpretation of time in constructivism, as materializing the mythological time, in which the source and end of creation are given simultaneously in the modus of eternity.

Keywords: constructivism, architectural neoclassicism, I. Zholtovsky's theory, utopia, time in myth, the period of socialist reconstruction, Stalin's cultural policy

Article history:

The article was submitted on 20.03.2020

The article was accepted on 06.07.2020

For citation: Kruglova T.A. The Concept of Time in Soviet Neoclassicism (On the Example of Architectural Discourse). *RUDN Journal of Philosophy*. 2020; 24 (4): 681—693. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-4-681-693

Целью нашего исследования является анализ темпоральности неоклассицизма в контексте культурных процессов на рубеже 1920-х — и в течение 1930-х гг., а именно: отказ от авангардистской трактовки времени и переход к другой парадигме, условно квалифицируемой как консервативный (реставраторский) поворот. Аналогичные развороты достаточно подробно исследованы на материале искусства, художественной критики, культурной политики и философских текстов Германии межвоенного периода. Метаконцептом выступает дискурс «консервативной революции» и поворота «вправо», позволяющий описать и объяснить логику всевозможных «возвращений», попыток актуализировать национальное прошлое и вписать его в современность [1]. Концепция «консервативной революции» широко используется и при описании аналогичных трансформаций концепций времени в странах, переживающих после Первой мировой войны потерю идентичности (Австрия, Италия, Венгрия, Болгария и др.) и стремящихся обрести новую национальную характерологию, конструируя ее с помощью идеологий, активно поддержанных властью [2].

Признавая продуктивность этого подхода и далеко не исчерпанность его применительно к ситуации в СССР, отметим, что в этой оптике выпадает существенный пласт интеллектуальных и художественных поисков, а именно разнообразные версии неоклассицизма, его теоретического/эстетического обоснования и практики. Изучение неоклассицизма практически полностью до недавнего времени происходило в лоне конкретных искусствоведческих дисциплин, слабо между собой связанных и не имеющих общей теоретической платформы. Неоклассицизм — явление довольно влиятельное и заметное в российском, европейском и американском поле культуры, возникшее перед Первой мировой войной, пережившее ряд активных всплесков накануне Второй мировой войны. Неоклассицизм имеет собственную, оригинальную концепцию времени в культуре, отношения к наследию, комбинации традиционалистского и модернистского дискурсов, свое видение прошлого, настоящего и будущего. Но если европейский межвоенный неоклассицизм

изучается историками искусства (архитектуры, музыки, хореографии), и здесь накоплен большой эмпирический материал, то советский неоклассицизм практически совсем мало исследован. Более того, сам термин «советский неоклассицизм» еще не стал общеупотребимым, так как устойчиво воспроизводится представление о том, что существовал весьма интересный и оригинальный дореволюционный русский неоклассицизм, но после Октябрьской революции и тем более после установления сталинской доктрины социализма говорить о развитии неоклассицизма как стиля уже не приходится, так как идеологические факторы полностью подчинили эстетические принципы. Не вступая в дискуссию относительно сочетания идеологии и эстетики в сталинский период, тем не менее, зафиксируем, что в документах этого периода за многими влиятельными деятелями искусства закрепились квалификация их как неоклассиков: архитектор И. Жолтовский, композитор С. Прокофьев, поэт А. Ахматова, художник И. Бродский. Концепция времени, заявленная в доктрине социализма, очевидным образом не объясняет все эстетическое своеобразие целого ряда авторов, не принимающих авангардистскую трактовку времени. Целый пласт произведений советского искусства этого периода может быть осмыслен изнутри темпорального режима, обоснованного в неоклассицизме [3].

В архитектуре концепт неоклассицизма никогда не был оспорен, о чем свидетельствуют работы таких историков советской архитектуры, как А. Иконников, С. Хан-Магомедов, И. Голомшток, Д. Хмельницкий, много написавших интересного о судьбе неоклассицизма в СССР, поэтому логично обратиться к документам, репрезентирующим сдвиг от авангардистской парадигмы к неоклассицистской, и проанализировать дискурс этого разворота во времени назад. И хотя архитектура относится к пространственным видам искусства, тем интереснее выявить в ее теории, практике и политической риторике темпоральный дискурс.

Рассмотрим доклад Н.Я. Колли «Задачи советской архитектуры» на Первом всесоюзном съезде советских архитекторов (Москва, 1937), так как в нем можно обнаружить основные дискурсивные моменты обоснования важности обращения к классицистскому наследию и аргументы критики авангардной архитектуры. Доклад построен таким образом, что вся история советской архитектуры, представленная в оптике 1937 г., подана как постоянная борьба авангарда в лице конструктивизма с традициями; борьба, закончившаяся полной победой классических принципов формообразования. Н. Колли, делая обзор основных вех русской и советской архитектуры, выделяет сооружения, которые можно считать образцами новой, социалистической архитектуры, и в качестве первого образца называет архитектурный ансамбль Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1923 г., осуществленный под руководством И.В. Жолтовского, неоклассика, имевшего большой символический капитал еще в имперский период: «В основу генерального плана, общей архитектурной композиции выставки и композиции главных павильонов были заложены

классические принципы. Своеобразие этого опыта заключалось в применении классических принципов композиции в железобетоне и дереве» [4. С. 23].

В докладе очень много критики конструктивизма как «левацкого уклона», но если абстрагироваться от политических ярлыков, то на первый план выйдет упрек, проходящий красной нитью через весь обзор архитектурных проектов, эстетически и идейно противоположных классическим принципам формообразования. Это обвинение в отрыве от задач социально-экономического развития, игнорировании практических нужд реконструктивного периода («абстрактное формотворчество», «отодвигание на задний план вопросов техники и экономики», «антисоциальный характер»). Иначе говоря, *антиклассицистские направления архитектуры получают квалификацию «отстающих от времени», не совпадающих с сутью современности.* Отдельные, осуществившиеся еще в начале 1920-х гг. проекты неоклассиков трактуются как образцы успешного соединения художественного качества с техническими новациями, экономическими ресурсами и социальными требованиями.

В докладе обнаруживается *ряд дискурсивных противоречий*: с одной стороны, указывается на функционализм и производственничество как истоки эстетики авангардной архитектуры, а родовой чертой функционализма объявляется «забвение задач идейной выразительности в архитектуре», сведение к чистой пользе и голой функциональности, отказ от «искусства как пережитка» («недооценка идейного и образного начала в архитектуре»); а с другой стороны, конструктивизм обвиняется в формализме, главным недостатком которого считается отказ от решения насущных социально-практических задач. Логика конструктивизма, ставящая функцию выше красоты ради решения насущных задач (массовое строительство доступного жилья, совмещение задач индустриализации с жизнеобеспечением и пр.) в докладе была перевернута, что выдает скрытую установку докладчика на какие-то иные «насущные задачи», решение которых конструктивизм не ставил себе в качестве цели. В конечном счете критика авангардной архитектуры в докладе Н. Колли и во многих других документах, выражающих направления культурной политики после 1932 г., выполняет задачу подведения базы под обоснование неоклассицизма как единственного стиля, органично совмещающего в себе идейные (образные) и функциональные стороны, эстетику и практику.

Приведем цитату, в которой подведен итог критики конструктивизма: «Формализм и конструктивизм, при всем кажущемся различии их исходных позиций, объединяет общее нигилистическое отношение к архитектурному наследию, отсутствие подлинной заботы о человеке и отрыв от реальной действительности» [4. С. 23]. Можно реконструировать из этой цитаты — согласно принципу «от противного» — три основных и плотно связанных между собой элемента, которые легли в основание обращения к неоклассицизму: гуманизм, реалистичность и ценность прошлого.

Если провести контент-анализ всего доклада, а также других политических важных документов, координирующих политику во всех советских творческих союзах в 1930-е гг., то мы в качестве самого частотного аргумента обнаружим «возвращение к мировому наследию». *Концепт «классики» был настолько сильно семантически и функционально нагружен, что воспринимается как важнейшая ценность, мощный ресурс и главный инструмент решения всех проблем вхождения в современность, а именно: «оторванность от конкретных задач и обстановки социалистического строительства» мыслится преодоленной только на путях возврата к прошлому.* Отношения неоклассицизма и авангарда выстраиваются по бинарному сценарию: сложность против упрощения, красота против вульгарности, человечность против неодушевленности и схематизма, индивидуальность и иерархия против однообразия и монотонности. Конструктивизм и в целом новая западная архитектурная теория и практика обвинялись в непонимании «всей принципиальной глубины и новизны» текущего периода. Главный итоговый аргумент: — «несоответствие задачам социалистического строительства», — можно интерпретировать как несовпадение с современностью. Язык конструктивистской архитектуры, — и в целом художественного авангарда других видов искусства и литературы, видящих свою задачу в адекватной репрезентации современности и проектировании будущего, — трактовался как утопический, абстрактный, схематический, формально относящийся к человеку (а значит, негуманно). В этой связи классика становится концептом, максимально вбирающим в себя положительную семантику гуманизма («забота о человеке») и прагматизма (набор проверенных временем и эффективных решений насущных задач).

С 1933 г. начинает выходить журнал «Архитектура СССР», номера которого заполнены материалами, обосновывающими поворот в сторону неоклассики. Отныне творческие пути советской архитектуры связываются с архитектурным наследием. В публикациях журнала формулируется понятие *реалистической архитектуры*, композиционная система которой представляет собой комбинацию всех исторических стилей, опирающихся на античность [5. С. 7]. Самым темным местом в этих рассуждениях является концепт «насущных задач». Ответив на вопрос, а какие именно задачи реконструктивного периода считались самыми важными, приоритетными, мы найдем ключ к процессам «возвращений к классике». В докладе Н. Колли конкретизация социальных задач, стоящих перед архитектурой, возникает уже ближе к концу, когда речь идет о состоянии дел на 1931 год: «Если в то время наша страна хозяйственно и технически уже могла ставить перед собой, как ближайшую перспективу, такую задачу, как сооружение памятника, воплощающего в камне и металле всемирно-исторические победы социализма, его окончательное торжество на одной шестой земного шара, то язык архитектуры оказался для этого слишком бедным» [4. С. 38]. Далее наиболее частотными словами оказываются «монументальность» и «величие». Именно

репрезентация «величия», на наш взгляд, и является подлинной задачей советской архитектуры этого периода, а у классики как раз и можно найти огромный символический капитал и ресурс выражения и закрепления этого величия. Упоминание необходимости символической нагрузки на архитектуру все чаще и прочнее увязывается с призывами обращения к классическому наследию; чем чаще звучат упреки в формализме, тем более классика видится источником «идейного содержания». Обратим также внимание на слово «памятник», которое применено не к памяти о том, что находится в прошлом, а к текущим, современным, то есть самым последним событиям. Оно указывает на то, что современность в отдельных, избирательно отмеченных форматах, стремительно модулирует в другое временное измерение — модус памяти и культа.

«Величие» имеет свой темпоральный режим и собственный язык повествования о времени, и по этому признаку можно выявить различия между классицизмом и неоклассикой. Величие как нечто значительное может быть выделено среди множества феноменов только на основании процедур сравнения. *В темпоральном измерении Великое — это то, что прерывает повседневность, длительность, возникает либо внутри временного разрыва, либо как сильная конденсация (концентрация) времени в одной точке. У величия есть количественное и энергетическое измерения.* В классицизме величие репрезентировано идеальной конструкцией, а достигнутый идеал укоренен в далеком прошлом, и в современности должен оставаться в качестве неоспоримого образца, отменяющего за ненужностью поиски адекватного течению времени языка. Наличие в культуре памятников классицизма не останавливает историю, но проводит четкую разделительную черту между двумя потоками времени: идеальным временем и временем повседневности, вечностью и историей. В культуре Нового времени оба потока необходимы и существуют взаимодополнительно. Конечно, образцы прошлого нужны для выражения и легитимации величия новейших государств, прежде всего империй, но при этом работает принцип аналогий и реминисценций, то есть историзм вовсе не мешает процедурам возвеличивания современности.

Начиная с эпохи модернизма ситуация меняется, так как возникает рассогласование языков времени. Язык художественного модернизма, и особенно авангарда, заточен на схватывание временного потока в его собственном и тотальном значении. Внутри этого потока нет места никаким застывшим сущностям, и тем более образцам, то есть ничему не подверженному трансформирующей силе времени. Иначе говоря, авангард отменяет историческое время, так как оно всегда измеримо, расчленено на отрезки, объективно и необратимо. В этом смысле в авангарде онтологически нет места идеалу, а значит, и образам величия.

На первый взгляд, неоклассицизм должен был вернуть в культуру ту двойную структуру времени, которая была присуща классицизму Нового времени. На самом деле этого не произошло. Идеальные формы были заимствованы из прошлого, но величие современности не могло опираться на полное

повторение исторических прецедентов в силу их коренного несовершенства по сравнению с современностью, так же, как и социализм, даже недостроенный, по определению был совершенней (идеальней) любой исторически предшествовавшей ему общественной формации. *Неоклассицизм в шкале ценностей ставит современность выше прошлого, разворачивая стрелу времени от настоящего назад, от высшей точки достижений современности к ее аналогам в прошлом.* Классические формы мыслятся, скорее, как заготовки, эскизы к совершенству современной архитектуры. Историзм заменен телеологизмом. Поэтому, например, главу советского неоклассицизма И. Жолтовского часто упрекали в слишком строгом и буквальном следовании нормам палладианства, «они как бы утверждают некий ограничительный закон, “теорию предела” красоты и полноценности архитектуры, достигнутой в XVI веке» [6. С. 43]. У Жолтовского принципы ренессансной архитектуры служили критерием архитектурного качества, а требовалось иное отношение: классические нормы должны теперь трактоваться не как образцы для подражания, а как универсальные инструменты (средства) выражения совершенно нового величия, равного которому не было прежде.

Обратим внимание на периодизацию советской архитектуры в тексте доклада Н. Колли, который является прямой калькой с официальной идеологической концепции времени, отражающей этапы социалистического строительства: дореволюционная архитектура; архитектура 1918—1921 гг.; архитектура восстановительного периода (1921 — примерно 1929—1931 гг.); архитектура реконструктивного периода (с начала курса на индустриализацию и до конкурса на проект Дворца советов, 1932 г.); новая советская архитектура (1932—1937). Логика здесь следующая: сначала констатируется этап разрушения старого порядка («революционный этап»), следующие два этапа описываются в риторике восстановления и реконструкции: концептах, маркирующих установление порядка из хаоса, но никак не достижение предельных целей и реализацию идеала. И поэтому совершенно неожиданно на этапе «новая советская архитектура» возникает риторика «демонстрации величия социалистического строительства». Между процессом восстановления и начала реконструкции невероятный проскок, разрыв временной цепочки, отсутствие этапа собственно построения социализма, и уже сияющий финал, закрепленный в концепте «построенного в основном социализма». *Модус будущего времени оказался стремительно совмещенным с модусом настоящего, идеал больше не помещался в отложенное на время состояние социума, а присутствовал в настоящем как явленный в отдельных объектах образец.*

Какова же здесь роль классицистского наследия и его активного возвышения над всеми другими стилями далекого (например, барокко), недавнего (модерн) прошлого и настоящего (конструктивизм)? На наш взгляд, эта роль инструментальная. Необходимо было сгладить и оправдать резкий скачок от старта к финалу, и неизбежный разрыв во времени был заполнен

нарастающим количеством неоклассицистских объектов и их визуальным доминированием. Только что начавшийся сложный и многовекторный период поисков был прерван и замещен прославлением неизменного, вечного государственного порядка, любой арт-объект (произведение искусства, архитектурный ансамбль) ничем больше не должен был напоминать о переходности и временности.

Недовольство конструктивизмом, разлитое на всем пространстве доклада Н. Колли и переходящие из документа в документ упреки художественным практикам 1920-х годов, имели истоки в точно угаданной темпоральной специфике авангарда. Конструктивисты исходили из того фундаментального допущения, что социалистический порядок и новый человек должны быть созданы, но их еще нет. Конструктивизм, как и другие авангардные практики, мыслили демиургически, но в то же время прагматически. Они отказывались ждать, когда время само вырастит нового человека, и видели во времени инструмент, который нужно поставить на службу решения этой задачи. А для этого нужно было создать материальную среду, насыщенную новыми зданиями и вещами, которая бы способствовала созданию человека будущего. Именно в этом смысле конструктивизм и мыслился как «машина времени», как любая машина, которая по определению многократно увеличивает продуктивность действий, берегает усилия людей и экономит время. *В авангарде работа времени обнажена как схема или механизм, или, на языке философии искусства, как форма времени (в аристотелевском смысле).*

Как советское государство, так и искусство восстановительного и реконструктивного периодов определяются в документах и в дискурсе самих архитекторов как инструмент для достижения далекой пока цели. Мы уже обращали внимание на то, что в официальных источниках понятия целей и задач носят крайне неопределенный характер, что особенно видно в докладе Н. Колли. Упоминаются «насуточные задачи», то есть понятные для всех в течение 1920-х гг., не требующие специальной расшифровки, так как это связано с преодолением последствий революционного переворота и войн, империалистической и гражданской: голода, безработицы, криминальной обстановки и общего распада социальной ткани.

В романе мыслителя-конструктивиста А. Богданова «Красная звезда» дается характеристика искусства социалистической эпохи: «гармоничное движение, спокойно-уверенное проявление силы... стремление, свободное от волнения, живая активность, проникнутая сознанием своего стройного единства и своей непобедимой разумности, "сложные человеческие существа" изображаются сосредоточенными на каком-нибудь *одном* стремлении; любимые темы: отображение экстаза творческой мысли, любви, наслаждения природой, спокойствия добровольной смерти» [7. С. 75]. В этом провозглашаемом идеале, практически — утопии, мы видим признаки авангардистской концепции времени как силы, творящей историю.

В отличие от конструктивизма *неоклассицизм репрезентирует альтернативную модель времени: непрерывность, отсутствие скачков и разрывов.*

Классические формы представляют время в образах свершившегося, скрывая сам процесс производства времени, маскируя дискурсивный скачок между «было» и «стало».

Важно отметить, что курс на неоклассицизм провозглашается во время первой пятилетки, когда строительство социализма в собственном смысле слова только началось, подразумевалось, что все еще впереди: и трудности, и достижения. Но в программных политических документах 1937 г. было провозглашено, что социализм уже построен и он имеет свои очевидные достижения. Из сегодняшней оптики видно, что исходная точка движения к реальному социализму, а не к проекту, мечте, идеалу, совместились с финальной, которая теперь будет длиться до бесконечности. Причем неоклассицизм как символический инструмент был призван оформить произошедшее сжатие времени, продемонстрировать стабильность наличного порядка и поддерживать его в этом качестве. По тонкому замечанию А. Иконникова, у советских неоклассиков в архитектуре на самом деле речь шла не о продолжении и развитии заветов прошлого, а об опоре на систему сложившихся и опробованных строительных принципов и элементов внешнего оформления зданий с целью создания неких не подвластных времени Вечных Форм [8].

Остановимся подробнее на анализе способов адаптации классицистского идеала к социокультурным задачам сталинской эпохи. В качестве знаковой фигуры в этом отношении можно считать И. Жолтовского, поскольку, как справедливо считает Г. Ревзин, «центром его учения является... учение о противоречиях. В теории Жолтовского все противоречия должны быть сняты в процессе созидания, до того, как произведение предстает перед зрителем. Внутри образа противоположностей нет, он абсолютно непротиворечив» [9. С. 61]. Здесь центром архитектурной теории, ее ключевым словом становится «статическое начало». Все элементы ориентированы к своему «статическому началу». Все стремится к тому, чтобы остановиться, застыть, умереть.

Эта теория вписывается в развитие эстетической программы сталинского искусства как вершины истории. Благодаря своему своеобразию Жолтовский мог в большей степени, чем другие мастера, подойти для передачи тех идеологических идей, которые вкладывались в неоклассицизм его государственным заказчиком. Его «остановленное движение», «статическое начало», стремление найти «всеобщие законы» классики принципиально ориентированы на вневременной идеал.

Различия темпоральных режимов авангарда и неоклассицизма могут быть описаны сквозь призму отношений утопии и мифа. Например, Я. Садовский, опираясь на работу К. Мангейма «Идеология и утопия», рассматривает сходство и различие между двумя этапами социалистической культуры: первым — «революционным», репрезентированным утопией и, соответственно, идеологией, и вторым, сталинским, репрезентированным мифом, в котором «утопии сегодняшнего дня могут стать действительностью завтрашнего дня» [10. С. 172].

Различие мифологических и утопических представлений (и соответствующих им нарративов) связано с их функцией по отношению к существующему порядку: в отличие от утопий, конструирующих мировоззрение, которое «взрывает существующий в данный момент порядок вещей», мифы служат построению такого мировоззрения, которое существующий «порядок вещей» поддерживает, обосновывает и осмысляет [11. С. 392]. Далее Садовский подчеркивает, что «утопии абстрагируют от невозможности сорвать непрерывность текущего номоса, от того, что такой срыв непременно означал бы конец социально конструируемого мира. Они строятся на специфическом напряжении между сознанием ограничений текущего порядка и всем тем, что в содержании постулируемого номоса представляется привлекательным» [11. С. 391]. Напряжение, на которое указывает Садовский, возникает вследствие разрыва во времени, или скачка, в том смысле, о котором мы писали выше. Например, архитектора Л. Руднева критиковали за то, что его архитектура «оставляет впечатление напряженности и беспокойства» [6. С. 48].

И утопия, и миф — внеисторичны. По мнению Садовского, в сталинский период произошел переход от утопической модели мира к мифологической, а мифотворчество исключает утопическое сознание. Темпоральность утопии такова, что она различает время настоящего и будущего (или прошлого, если это ретроутопия), противопоставляет их и строит на этом как разрушительную, так и созидательную работу. И в этом смысле темпоральный режим авангарда утопический. Темпоральность мифа, напротив, устроена таким образом, что в ней начало, исток творения, и его финал, продукт творения, происходят одновременно и длятся вечно. Поэтому можно согласиться с выводом о мифогенной природе неоклассицизма, доминирование которого совпало с тенденциями в советской культуре, «в которой с начала 1930-х гг. начинает резко расти мифологическая парадигма, со временем становящаяся структурной основой организации всех дискурсов официального пространства» [11. С. 397].

На основании проведенного в данной работе анализа сформулируем общие черты концепции времени в советском неоклассицизме в контексте идеологии и политики строительства социализма в конце 1920-х — в течение 1930-х гг.

1. Смена государственно-политических задач (переход от демонтажа старого порядка и ликвидации последствий распада социальной ткани к построению нового социального порядка) задала новые требования к архитектуре как важнейшему способу социальной репрезентации. Новое общество — социализм — трактовалось в конструктивизме, ведущем направлении архитектуры 1920-х гг., в модусе будущего времени. В неоклассицизме 1930-х гг. социализм помещался в модус настоящего времени.

2. Архитектурные школы и их эстетико-идеологические проекты были привязаны к разным социальным задачам. Конструктивизм был нацелен, с одной стороны, на прагматику восстановления социальной ткани и решение

текущих задач (массовое жилищное строительство, новая социальная инфраструктура, индустриализация и урбанизация), с другой стороны, на конструирование будущего социума и человека. В конце первой пятилетки властью перед культурой в целом и перед архитектурой в частности были поставлены другие цели: репрезентация достижений и выражение величия социалистического строительства. Неоклассицизм был призван для увековечивания настоящего положения дел в модусе реального совершенства и превосходства советского социализма над любыми иными историческими форматами социальной жизни.

3. Между временем творения (конструктивизм) и временем свершения (неоклассицизм) образуется пробел, разрыв, который должен быть скрыт. Способом сокрытия темпорального разрыва становятся классические принципы формообразования и исторические образцы ренессансного и русского архитектурного классицизма, призванные убедительно продемонстрировать, с одной стороны, возможность ускорения и сжатия времени, стремительность и неумолимость достижения идеала, а с другой стороны, обесценить новации, сделать ненужным представление о движении времени в будущее.

Это доказывает, что концепт времени является эффективным способом описания и понимания советской неоклассики 1930-х гг.

Список литературы

- [1] *Вяземцева А.Г.* Искусство тоталитарной Италии. М., 2018.
- [2] *Тренчени Б.* Бунт против истории: «Консервативная революция» и поиски национальной идентичности в межвоенной Восточной и Центральной Европе // *Антропология революции* : сб. статей. М., 2009. С. 207—241.
- [3] *Круглова Т.А.* «Красная» реставрация // *Круглова Т.А.* Нескромное обаяние соцреализма, или Советская художественность. Екатеринбург, 2005. С. 262—298.
- [4] *Колли Н.Я.* Задачи советской архитектуры: доклад на Первом всесоюзном съезде советских архитекторов. М., 1937.
- [5] *Звагельская В.Е.* Неоклассицизм советской эпохи в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург, 2011.
- [6] *Хан-Магомедов С.* Архитектура Москвы от авангарда до сталинского ампира // *Москва — Берлин. 1900—1950.* Москва, Берлин, Мюнхен, 1996. С. 205—211.
- [7] *Тепляков Д.А.* Концепция социалистического общества в «Красной звезде» Александра Богданова // *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* : сб. науч. трудов. Гл. редактор Л.Н. Мазур; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: изд-во Урал.ун-та, 2017. С. 71—78.
- [8] *Иконников А.* Утопическое сознание и архитектура XX века // *Картины мира в искусстве XX века. Штрихи к портрету эпохи.* М., 1994. С. 56—75.
- [9] *Ревзин Г.* Архитектурная теория Жолтовского // *Искусство.* 1988. № 10. С. 60—64.
- [10] *Манхейм К.* Идеология и утопия // *К. Манхейм. Диагноз нашего времени* / Пер. М.И. Левина. М. 1994. С. 7—275.
- [11] *Садовский Я.* Сталинизм как следствие гибели утопий // *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* : сб. науч. трудов. Екатеринбург. 2017. С. 389—399.

References

- [1] Vyazemceva AG. *Iskusstvo totalitarnoj Italii*. Moscow; 2018. (In Russian).
- [2] Trencsenyi B. Bunt protiv istorii: «Konservativnaya revolyuciya» i poiski nacional'noj identichnosti v mezhuvoennoj Vostochnoj i Central'noj Evrope. In: *Antropologiya revolyucii*. Collected papers. Moscow; 2009. P. 207—241. (In Russian).
- [3] Kruglova TA. «Krasnaya» restavraciya. In: *Kruglova T.A. Neskromnoe obayanie socrealizma, ili Sovetskaya hudozhestvennost'*. Ekaterinburg. 2005. P. 262—298. (In Russian).
- [4] Kolli NY. «Zadachi sovetskoj arhitektury». Doklad na Pervom vsesoyuznom s'ezde sovetskih arhitektorov. Moscow; 1937. (In Russian).
- [5] Zvangel'skaya VE. *Neoklassicism sovetskoj epohi v pamyatnikah arhitektury Sverdlovskoj oblasti*. Ekaterinburg; 2011. (In Russian).
- [6] Han-Magomedov S. Arhitektura Moskvy ot avangarda do stalinskogo ampira. In: *Moskva — Berlin. 1900—1950*. Moscow; Berlin, Munich; 1996. P. 205—211. (In Russian).
- [7] Teplyakov DA. Konceptsiya socialisticheskogo obshchestva v «Krasnoj zvezde» Aleksandra Bogdanova. In: *Epoha socialisticheskoy rekonstrukcii: idei, mify i programmy social'nyh preobrazovanij: sb. nauch. trudov*. L.N. Mazur (ed.). Ekaterinburg; 2017. P. 71—78. (In Russian).
- [8] Ikonnikov A. Utopicheskoe soznanie i arhitektura XX veka. In: *Kartiny mira v iskusstve XX veka*. Shtrihi k portretu epohi. Moscow; 1994. P. 56—75. (In Russian).
- [9] Revzin G. Arhitekturnaya teoriya Zholtovskogo. *Iskusstvo*. 1988;(10):60—64. (In Russian).
- [10] Mannheim K. Ideologie und Utopie. In: Mannheim K. *Diagnosis of our time*. Transl. by M.I. Levin. Moscow; 1994. P. 7—275. (In Russian).
- [11] Sadovskij YA. Stalinizm kak sledstvie gibeli utopij. In: *Epoha socialisticheskoy rekonstrukcii: idei, mify i programmy social'nyh preobrazovanij*: Collected papers. Ekaterinburg; 2017. P. 389—399. (In Russian).

Сведения об авторе:

Круглова Татьяна Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия (e-mail: tkruglowa@mail.ru).

About the author:

Kruglova Tatiana A. — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of history of philosophy, philosophical anthropology, aesthetics and cultural theory, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia (e-mail: tkruglowa@mail.ru).